

нальная геология и металлогения, 2005. - №23.

5. Гусев А.И. Эпитермальное оруденение благородных металлов Горного Алтая и Горной Шории // Известия Томского политехнического университета, 2005. - Т. 308. - №3.

6. Гусев А.И. Об объективности оценки факторов и прогнозных критериев золотого оруденения // Руды и металлы, 2011. - №3-4.

7. Гусев А.И., Гусев Н.И. Флюидный режим и петрология шошонитовых гранитоидов супергигантского золоторудного месторождения Мурунтау // Фундаментальные исследования, 2012. - № 6 (часть 1).

8. Гусев А.И., Гусев А.А. Шошонитовые гранитоиды: петрология, геохимия, флюидный режим и оруденение. - М.: Изд-во РАЕ, 2011.

9. Коробейников А.Ф., Гусев А.И. Поведение золота в расплавах и особенности его фракционирования // Известия Томского политехнического университета, 2013. - Т.323. - №1.

10. Кигаи И.Н. Редокс-проблемы «металлогенической специализации» магматитов и гидротермального рудообразования // Петрология, 2011. - Т. 19. - №3.

11. Летников Ф.А. Сверхглубинные флюидные системы Земли и проблемы рудогенеза // Геология рудных месторождений, 2001. - Т. 43. - № 4.

12. Рябчиков И.Д. Физико-химический анализ условий отделения рудоносных растворов из гранитных магм // Источники рудного вещества эндогенных месторождений. - М., 1974.

13. Burkhard D.I.M. Biotite crystallization temperatures and redox states in granitic rocks as indicator for tectonic setting // Geologie en Mijnbouw, 1992. - V. 71. - № 4.

14. Gusev A.I., Gusev N.I. Gold-rich magma-ore metasomatic systems of RudnyAltai // International journal of experimental education, 2009. - №3.

15. Jacobs D.C., Parry W.T. Geochemistry of biotite in the Santa Rita Porphyry Copper Deposit, New Mexico // Econ. Geol., 1979. - V. 74. - №4.

16. Munoz J.L., Ludington S.D. Fluoride-Hydroxyl exchange in biotite // Amer. J. Sci., 1974. - V. 247. - № 4.

17. Ohmoto H., Goldhaber M.B. Sulfur and carbon isotopes // Geochemistry of hydrothermal ore deposits. - New York, 1997.

18. Takagi T., Tsukimura K. Genesis of Oxidized and Reduced-Type Granites // Econ. Geology, 1997. - V. 92.

19. Wones R.D., Eugster H.P. Stability of biotite // Amer. Mineral., 1965. - V. 50. - № 9.

3.6. НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ И ОБЩЕСТВЕ

УДК 94(571.15)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ АДАПТАЦИЯ СТОЛЫПИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА АЛТАЕ НА ПРОТЯЖЕНИИ 1910-1980-Х ГОДОВ: СТРАТЕГИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)¹

Т.К. Щеглова

Ключевые слова: столыпинские переселения, хозяйственная и социокультурная адаптация, XX век, экстремальные условия, обустройство жилой среды, система жизнеобеспечения, жизненные стратегии.

Традиции служили способом освоения новых территорий и условием успешной адаптации на новом месте. Как правило, исследователи рассматривали их значение в первоначальный период заселения и не анализировали последующие годы адаптации к экстремальным условиям в годы трагических исторических событий XX века, в период масштабных советских преобразований и партийно-государственных кампаний. Среди них годы войн и послевоенное время, репрессии и принудительные переселения, в т.ч. раскулачивания, депортации; и т.д. Эти и другие события, напри-

мер, ликвидация неперспективных сел, объединяет ухудшение положения сельского населения при перманентной маломощности колхозов, с одной стороны, и отсутствием гарантированной помощи со стороны государства, с другой стороны. Представляется интересным проанализировать процессы адаптации столыпинцев к новым социально-экономическим и политическим условиям в последующие за переселением десятилетия. Современные антропологические подходы, в т.ч. устная история, биографистика, историческая генеалогия позволяют раскрыть эти вопросы.

Источниковой базой данного исследования являются материалы полевых исследований 2012-2013

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 12-06-98013 р_сибирь_а.

гг. в местах проживания потомков столыпинских переселенцев, в которых наряду с автором принимали участие сотрудники исторического факультета АлтГПА Н.С. Грибанова, А. Рыков, Н. Люля, А. Мазырина, А. Кузнецов. Были проведены интервьюирование и анкетирование, изучены семейные архивы, составлены генеалогические древа, произведена фотофиксация жилых и хозяйственных построек, зафиксированы трудовые и семейные традиции. Выезды были организованы в села западной историко-этнографической переселенческой степной зоны Алтая (Благовещенского, Кулундинского, Романовского, Егорьевского, Волчихинского, Панкрушихинского и др. районов), ставшей в период столыпинских переселений основной территорией приема переселенцев [1].

Для сравнения процессов происходящих в столыпинских поселениях привлекались полевые материалы автора в восточных старожильческих таежных и предгорных зонах Алтая, обследованных ранее (автор проводит полевые исследования с 1990 года). Так в Ельцовском районе столыпинцами было образовано в 1908 г. - 5 сел, в 1909-14, в 1910 -18. В Алтайском районе в 1908 –1 село, в 1909- 7, в 1910-27. Переселенцам этой зоны приходилось в отличие от западных степных районов преодолевать две трудности - непривычный для столыпинцев, как выходцев преимущественно из южно-российской этнографической зоны Центральной России, более суровый климат с отсутствием достаточного количества пригодных земель и монополию старожилов. Но при благоприятном стечении обстоятельств эти трудности оборачивались выгодой – наличие срубного строительного материала; поддержка старожилов в период обустройства. В полевых материалах автора за 1994 год записаны истории столыпинских переселенцев из сел Лежаново основанного в 1910 г., Барашек (1910 г.), Сорокино – (1910 г.). Все три села к моменту опроса исчезли под влиянием разных исторических процессов: Барашек в 1930-е в результате раскулачивания, Сорокино не выдержало войны 1941-1945 годов, Лежано в ходе ликвидации неперспективных сел. В рассказах все отмечали помощь старожилов: «У дедушки 5 детей было, из них только один женат. Дедушка думал-думал и поехал до Омска, бабушка заболела... умерла... у него на руках осталось 5 детей и самому младшему 1,5 года. Приехал в Лежаново (была заимка старожилов). Тут купил избу, летом приехал в эту избу, на голую кочку. А бабушка моя была из старожилов с Лежаново [их дети позже поженились]. Они жили хорошо, коров держали - штук 10, детей у них было 7, и все работали в одном доме, в одной семье. Бабушка и говорит своему сыну: «Ефимка, ну-ка выво-

ди Буланку, запрягай». Он вывел, запряг. Осенью это было. «Выносите 2 мешка муки, пшеница, масла, мяса». Полный воз продуктов нагрестила. «Девчонки, какую корову вам не жалко?» - «Любую». Корову привязали к телеге. «Ну, Ефимка, садись, к хохлу на подворье поедем. Повезем. Надо его поддержать». Привозит. «Эй, хохол, выходи!» Он вышел: «Что женщина?» - «Бери, это все твоим сироткам!» [3].

Историческая память показывает, что в основе отношений старожилов и новоприбывших столыпинцев лежали прагматичные бытовые взаимоотношения, выстраивавшиеся в повседневной жизни на условиях взаимовыгодного расчета и определенных обязательствах. Взаимоотношения родителей – переселенцев-курян (с.Сорокино Алтайского района) с местным торговцем Ф. Шмелевым (с.Алтайское) описала П.Я.Нагибина: «Приехали они [родители] из России. Все же далеко ехали и много не повезешь. А он был купцом, торговал всяким добром, посудой. И отец говорит: «У меня семья большая и денег нет». А он говорит: «Бери в долг». Батя привез от него [в Сорокино из Алтайского] самовар, чашек, ложек... Он ему целую телегу дал... Вот наши пожилы, обжились. Отец к нему [купцу] приехал и спросил: «Может, скотиной [долг] возьмешь?». Купец обрадовался, что он [отец] такой честный. Они договорились, что купец придет и выберет себе потом скотину... С тех пор мы так и жили. Он нам также без денег давал».

Условия заселения и адаптации столыпинцев западной степной зоны были обусловлены отличиями в составе переселенческих потоков с многообразием этнических и этнокультурных компонентов и более редкая сеть поселений старожилов. Основной поток столыпинских переселенцев сформировался в южной порубежной центрально-черноземной зоне Европейской России. На современном этапе – это русско-украинское порубежье: в прошлом Курская, Тамбовская, Орловская, Пензенская губернии на территории современной России; Харьковская, Полтавская, Екатеринославская и Черниговская на территории современной Украины и второй территорией исхода было полиэтничное Поволжье – Саратовская, Самарская, Пензенская губернии. Поэтому кроме хозяйственной адаптации большое значение именно для запада Алтая имела социо- и этнокультурная адаптация.

Так, в обследованных селах Благовещенского района полиэтничность переселенцев выразилась в основании мононемецких сел Глядень, Глядень 1, Глядень 2, Глядень 3, Глядень 4 (немцы с Поволжья), моноукраинские Ягодино, Орлеан - украинцы с Левобережной Украины: в 1917 году из 113 дворов в Ягодино (Яготин)– 98 были из Полтавской

губернии, в Орлеане из 150 дворов - 96 домохозяев, остальные из Екатеринославской, Харьковской, Таврической; и только по 1 и 3 с Черниговской. Великороссы - 5 дворов, заселились из сопредельных Курской, Воронежской, Орловской губерний. Тогда как в селах восточной зоны (Барашек, Лежаново, Сорокино) больше пришло великороссов: из Поволжья (Казанская, Самарская) и центрально-черноземных губерний (Курская, Тамбовская, Самарская и т.д.). Только в Лежаново были украинцы - 22 двора из Киевской губернии (правобережная Украина) при 76 дворов великороссов. [2].

Устные свидетельства показывают, что благоприятным фактором хозяйственной адаптации при обустройстве на необжитом малозаселенном месте степного запада, особенно при наличии мужских рабочих рук, являлось переселение на Алтай большими семейными коллективами. Так, история переселения семьи Лаврененко с Полтавской губернии началась, когда «Мусий решил переехать в Сибирь для поиска новых земель, сын его Енисей и три внука Василь, Емельян и Емельян, отправились за ним... Добиралась семья на бричках и поезде. С собой брали узел того, что нашли дома...»

Традиционность семейных и мирских отношений, взаимопомощь в период переселений служили благоприятным фактором хозяйственной адаптации стольпинцев на Алтае. Об этом говорит наличие в потоках переселенцев неполных семей. Так бабушка информанта Н.Н.Лаврененко Варвара Моисеевна переехала одна с тремя детьми (Емельян, 1916 г.р., Иван, 1909 г.р., Евдокия, 1914 г.р.), так как ее муж Емельян «воевал в то время с Германией». История семьи Лавриненко свидетельствует еще об одной особенности стольпинских переселений, не замеченной историками - это перманентность процесса переселения. Устные рассказы показывают, что они продолжались вплоть до начала 1930-х годов. Так, предки М.А.Мысик-Мысик Емельян с женой и детьми Марфой, Александром (отец информанта), Петром, Даниилом, Иваном и Антоном переехали из Полтавской губернии на Алтай в с.Орлеан в 1928 году. Положительный опыт первых украинских переселенцев способствовал подселениям земляков с Полтавщины.

Наряду с полиэтничностью и поликультурностью стольпинских переселенцев особенностью западной зоны была более редкая поселенческая сеть старожилов. Стольпинские приселенцы без конфликтов встраивались в сформировавшуюся до них поселенческую сеть, об этом говорят наименования сел с Ново-: только в Кулундинском районе - Ново-Покровка (1909), Ново-знаменка (1908). Другой вариант - Средне-Суетка (Суетский р-н), основанная стольпинцами в 1910 г., тогда как

Верх-Суетка в 1804 и Усть-Суетка в 1811 годах. С одной стороны это способствовало тому, что случаи противостояния первопоселенцев и стольпинцев, в т.ч. на этнической почве, в исторической памяти не отложилось. Даже с казаками-скотоводами, по рассказам потомков переселенцев не возникло напряжения. Стольпинцы вспоминают о помощи казахов в обустройстве на новом месте: «тут их встречали казахи с Байгомута [рядом расположенное казахское село]. Они их встретили, и лошадей давали, и кушанье везли».

С другой стороны, стольпинцам не приходилось опереться на помощь старожилов в обустройстве на новом месте, Более того, они оказались успешны и самостоятельны в организации хозяйственной деятельности в степи. Но наличие социокультурных и хозяйственных отличий в антитезе «мы и они» («переселенцы» и «старожилы») с юмором показывают такие топонимы как «Гуляй поле», Смиренькое и Притыка в Кулундинском районе; Забавное и Удальное в Табунском; Черноштанка, Добровка, Хорошее в Славгородском и др. «Инаковость» стольпинцев, выражавшаяся в «украиноности», «немецкости», «южнорусскости» маркируется в названиях, отражающих их хозяйственно-культурные традиции: Цветочное в Табунском районе, как известно именно переселенцы завезли на Алтай традиции цветников и палисадов; п. Яблоневка (Яблоневский) Славгородского уезда говорит о том, что южнороссийские переселенцы привезли неизвестную старожилами традицию садоводства.

Факторами успешности стольпинцев в западной зоне служило сходство в природно-климатических условиях мест исхода - степных губерний русско-украинского порубежья с местами оседания - в степной зоне западных регионов и лесостепи центральной части Алтая. Это было особенно важно как для хозяйственно-производственной деятельности, так и при обустройстве жилой среды, в частности, формировании системы жизнеобеспечения. Полевые исследования показали, что для переселенцев, традиции проживания в степной зоне и народный опыт решения трудностей в водообеспечении, строительстве, отоплении и содержании жилых и хозяйственных построек, домашнем хозяйстве, питании способствовали их успешной и быстрой адаптации на Алтае.

Культура степи, как известно, отличается ограниченными возможностями в строительных и отопительных материалах, водных источниках и т.д. Это способствовало укреплению на Алтае южнороссийских традиций переселенцев, в том числе, строительство с использованием таких традиционных для степи материалов как глина, солома, камыш, мелкая чаша. Более того, апробирован-

ные в ходе переселений традиции обустройства крестьянской семьи, пригодились в период хозяйственной и социокультурной адаптации в последующие годы XX столетия, в т.ч. социалистической модернизации и советских преобразований, которые сопровождалась в отдельные периоды ухуд-

Дерновый дом. 1950-е г. С. Яготино.

шением материально-имущественного положения крестьян.

Рассмотрим это на примерах такой важной составляющей благополучия крестьянской семьи как жилье и производственно-жилищные условия. Именно степные традиции жилищного обустройства помогли столыпинским переселенцам пережить 1930-е, 1940-е, 1950-60-е годы. Полевые исследования зафиксировали использование на протяжении всего XX столетия таких архаичных типов жилища как землянки. Так называли жилища в земле с использованием дерна для надземной части жилища. И в Яготино, и в Орлеане: «...строили такие дома из пластов земли. Вырезали на том месте, где был сам дом. В доме было одно помещение с русской печью. Топили печь соломой и кизяком. Крыши были прямыми «из пластов земли». Стены и пол внутри обмазывали глиной. Глину брали недалеко от села. Затем белили дом внутри, белую глину тоже брали недалеко от села». В семья Н.Н. Лавриненко из Орлеана: «Жили все вместе в землянке».

Другим способом возведения столыпинцами жилья, и период заселения, и в 1920-1960-е годы было каркасное строительство с использованием камыша. В наши дни особенно много сохранилось от того времени камышитовых домов на Алтае в районах, богатых озерами с камышом, например, в Кулундинской степи, в Немецком национальном районе, в районах вдоль трассы Барнаул – Павловск – Мамонтово – Романово – Волчиха - Михайловка. В советско-колхозный период потомки столыпинских переселенцев и русские, и украинцы, и немцы, независимо от этнической принадлежности,

строили так как их деды: камыш нарезали в августе – сентябре на озерах, связывали пучками, делали каркас из чащи в виде двойных рядов, забивали пучками камыша, установленного вертикально, обшивали прутьями или дранкой. Стены обмазывались глиной снаружи и изнутри. Например, «всем Орлеаном строили дом. Стены выложили камышом, потом обмазывали. Мы камыш в Байгомуте заготовливали. Песок в земле брали, в Яготино был карьер, и там песок. Кулундинка [река] рядом проходит. Он не соленый [песок] был, хороший, для стройки». Этот южнороссийский опыт был широко востребован в советское время для строительства жилья при основании новых поселений во время освоения целины в 1950-1960-е гг. В степной зоне, например, это было поставлено на поток. Создавались кустарные предприятия по производству камышитовых плит для обеспечения колхозного и совхозного строительства стройматериалами. Как описывали очевидцы, камышитовые плиты изготавливались «в традиции», когда пучки камыша определенной толщины связывались проволокой в виде щита. Для возведения стен делался каркас из мелкого нестроевого леса, поставленного вертикально в два ряда на определенном расстоянии. Их заполняли камышевыми плитами, ставя вплотную друг к другу по длине, и друг на друга в высоту. Затем обшивали длинной тонкой рейкой. И штукатурили.

Вариантом каркасного строительства являлось, и в период заселения, и в советское время в период создания коммун, раскулачивания и коллективизации (создание отделений колхозов и совхозов), в военное время плетневое строительство. Как описывают жители столыпинских сел: «Мы около озера

Камышитовый дом. 1950-е г. с. Яготино

жили... Таволошник..., горошник..., тальник нарубим... вытащиц, прутиками свяжешь... веревки-то не было.. принесем на себе. Сплетет [тятя] и снова пойдешь... Часто колья ставили,... чтобы хорошо переплелись... Там ссохлось... замазывали глиной с двух сторон... В глину соломки добавляли, труху какую-нибудь, мякину... Мажешь там толсто... одна глина трескается.... Землей сверху накрывали... чащи накладывают...»

Наконец, широко практиковали в степных ствольпинских селах на протяжении всего XX столетия строительство «саманух» из сырцового глиняного кирпича и глинобитные дома (литухи). В украинских селах их называли «хаты». По свидетельствам сельчан, такие дома в 1930-1950-е годы строили «целыми улицами». В таком доме было два помещения: комната и кухня, разделено оно было русской печью. Крышу делали из «соломы или камыша». Внутри дом также обмазывали глиной и белили: «все строилось из самана: формируют [глину] в формы, они высыхают, из них уже выкладывали дом. Кирпичи самоделки... Глина – сырец. Крышу крыли камышом, соломой»; «Жили в родительском доме, глиной были измазаны домики. Крышу крыли соломой с глиной, а потолки из досок выкладывали. Бывало, что и протекало. Снег, дождь..., бывало не уберешь снег, он ... и бежит. Пол смазывали глиной. Как вечер, берешь горшок, глину, навоз перемешиваешь и мажешь пол. Наливка называлась. Утром встанешь, свежо, чисто. Белили белой глиной, на озерах брали». (Орлеан)

Таким образом, на протяжении всего XX века, крестьяне использовали переселенческий опыт для проживания в экстремальных условиях: «... лепили себе мазанки из дернового пласта и глины, а кто не успел это сделать до наступления холодов, рыли землянки и в них переживали суровые и снежные зимы»; «приехали, сразу строили эти землянки. Прям пласты, этой, дерна. Строили землянки, переживали, а потом начали саман делать... Это глина, перемешана с соломой и в формы они такие квадратные.... И с этого самана... делали... А потом уже стали с дерева. Там вот с Михайловки, оттуда возили дерево и строили эти дома...» (Ягодино).

Особенностью степных усадеб было и в прошлом и в наши дни отсутствие традиции огораживания; выращивание теплолюбивых овощей и ягод (бахча). Как правило, усадьба делится на несколько частей: место, где располагается дом, рядом «рассадник» - сажают овощи, «пригон» - держат скотину, «огород» - где сажают картофель и «бахча» для тыквы, арбузов.

Уровень хозяйственной и социокультурной адаптации показывает и судьба ствольпинских сел при реализации советских политических и социально-экономических проектов и реформ. Например,

устойчивость, жизнеспособность или их отсутствие при раскулачивании. Так, процент раскулаченных в ствольпинском селе Барашек был настолько большим, что село исчезло к 1939 г. Это говорит о том, что ствольпинцы, приехав в 1910 году сумели так адаптироваться, что уже в 1930-е г. попали в категорию зажиточных. Были раскулачены или, чтобы избежать раскулачивания, самораскулачились и переехали в другие населенные пункты. Из устных свидетельств: «Мы [курские ствольпинцы Иевлевы] приехали в 1911 г. Кто-то съездил на разведку [все засобирались], сразу приехали 10 семей. Все горы заселили... В Барашке были вятские, вологодские, курские, орловские. Сорокино было км 6 от Барашка. Как ложок, так деревня. Везде заселились, обзавелись курами, коровами. Скотины много, счету не знали ни гусям, ни свиньям. В Сорокине мы приехали - было 3 двора, а потом нас семей 10 приехало. У нас было гектара 3 земли огорожено. Мы все болото огородили поскотинной и вечером туда скот выпускали. Было два табуна - старые, молодые»

В степных ствольпинских поселениях, по устным источникам, масштаб раскулачивания был иным: «здесь [Ягодино], ну, такого, такого большого, такого, что кулаки там, здесь не было такого вот, потому что село было наше, ну, оно не сильно зажиточное было. Здесь как-то обошлось мирно ...»

Полевой материал показывает, что степные ствольпинские переселенцы были менее зажиточны, чем ствольпинцы в восточной старожильческой зоне. Раскулаченные зажиточные семьи Орлеана «держали 2 лошади, 1 корову 3 барашка... раскулачивали богачей...» в отличие от кулаков села Барашек «с 2 табунами». Это спасло их от раскулачивания. В том же Орлеане «кулак тот, у кого дом деревянный был, тут вроде таких не было, все бедно жили, а вот в соседнем селе был один, так ночью забрали, а дом перевезли» При этом ствольпинские степняки правильно подмечают, что «кто раньше освоился, они содержали и работников, их вот и раскулачивали.» Отсюда другим отличием степной зоны, когда «стали колхозы образовываться [в Ягодино], все добровольно вступили». «по рассказам [дедов] такого да, чтобы сопротивления, какого там не было. Надо было... вступили в колхоз и все. Фактически как вот в истории [имеет в виду советские учебники истории], что там кулаки активистов убивали, здесь [в Ягодино] этого конечно не было». Более того, ствольпинские переселенцы довольно быстро адаптировались к колхозному производству. Так, в Ягодино было «2 колхоза: Шевченко и Коллективный труд. И в 31-м или в 32-м году здесь была МТС». Этому способствовало и то, что они уже имели опыт быстрой переориентации,

пережив масштабные и кардинальные изменения во время недавних переселений. Они оказались более гибкими, чем старожилы.

Именно поэтому, в старожильческой зоне, как показывают полевые исследования, процесс исчезновения и ликвидации населенных пунктов в 1950-60-е годы также затронул столыпинские поселения больше, чем в степной зоне. До наших дней, в Благовещенском районе сохранились села Ягодино, Орлеан, Глядень 1, Глядень 2, Глядень 3, Дмитриевка и другие, включая райцентр Благовещенка, а в старожильческом Алтайском районе – только три села Белое, Булухта и Комар. Тем не менее в большинстве районов Алтайского края они есть. Поэтому можно говорить об успешности адаптационных механизмов народных традиций в степной зоне. Своеобразная «живучесть сел» показывает, что южнороссийские степные переселенцы в аналогичных условиях смогли развить жилую и производственную базу в такой степени, что не попали в период слияния колхозов под сокращение и в период выявления неперспективных сел в группы ликвидируемых сел. И в период социалистической модернизации создали успешные хозяйства, сформировали потомственные крестьянские династии.

Анализ генеалогии столыпинских переселенцев и записанных биографических историй показывает, что почти до конца 1980-х годов у крестьян-переселенцев отсутствовали массовые миграционные настроения. В своих жизненных установках они ориентировались на крестьянский труд. При всей сложности жизненных условий в контексте тех социально-экономических условий, которые формировались в ходе советских преобразований до 1960-х гг. они массово не помышляли об отъезде. Но показателями ускорения процесса раскрестьянивания в это время стали два фактора – уменьшение людности в семьях столыпинских переселенцев и возросший статус образования и особенно высшего, что привело к массовости отъезда. Особенно в 1990-е годы, когда совпали два процесса – разрушение колхозно-совхозного производства, что привело к безработице в деревне и резкий рост сети высших учебных заведений, которая по-

зволила практически всем выпускникам поступать в вузы и не возвращаться в деревню.

Примером является генеалогическое древо потомственных столыпинцев Госпадаренко. Респондент Михаил Антонович, в годы войны работал трактористом. В 1950 –е гг. был призван в армию, службу проходил в Ашхабаде, в танковых войсках. А после службы вернулся в свой колхоз, женился, родилось 3 сыновей: Иван, Михаил, Анатолий. Сыновья разъехались из Орлеана Старший сын Иван работает в Славгородской районной больнице слесарем по техническим приборам. Средний сын Михаил после армии уехал к дяде Ивану Антоновичу в Кировоград, выучился на землеустроителя, работает в г. Белово Кемеровской области на шахте. Младший сын Антон, работает в г. Уссурийск. Анализ генеалогий показывает, что отъезд из села, как необратимый процесс зародился в поколении внуков столыпинцев. В большинстве сел сейчас в основном проживают пенсионеры, которые отработали все время в деревне и ушли на пенсию.

Библиографический список

1. Щеглова Т.К. Русские, украинцы, немцы, казахи степного запада Алтайского края: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта (материалы к Историко-этнографическому атласу Алтайского края) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 8-й международ. науч. конф., посвященной 20-летию ист.этногр.исслед. сектора устной истории и этнографии ЛИК АлтГПА. Вып.8 / под ред. Т.К.Щегловой. – Барнаул, 2011. С.72-83
2. ЦХАФ АК. Ф. 233. Оп.1. Д. 426-Ягодино; Д. 398,399 - сс. Орлеан и Тройное; Оп. 1а Д. 37 - п. Лежановский; Д. 49 - п. Сорокинский; Д. 231 -п. Барашек
3. Материалы интервью и анкетирования: Загуменная А.З., 1923 г.р., Нагибина (Иевлева) П.Я., 1914 г.р., с.Алтайское; Мысик М.А., 1950 г.р.; Госпадаренко М. А. 1927 г.р.; Лаврененко Н.И., 1936 г.р.; Лубенец (Харлан) А.К.1926 г.р. с. Орлеан Благовещенского района; Жук Н.Н., 1950 г.р., Семютина Т.М, 1931 г.р. Ягодино, Благовещенский район.